

но никто в темноте нас не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас провели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец», сказал один из мужиков; «сейчас об вас доложим.» Он вошел в избу. Я взглянул на Савельича; старик крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконец, мужик воротился и сказал мне: «Ступай; наш батюшка велел впустить офицера.»

Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу, и широкий шесток, уставленный горшками, — всё было как в обыкновенной избе. Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство, и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачев узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А ваше благородие!» — сказал он мне с живостию. «Как поживаешь? За чем тебя бог принес?» Я отвечал, что ехал по своему делу, и что люди его меня остановили. «А по какому делу?», спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачев, полагая, что я не хочу объясниться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им вытти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них», сказал мне Пугачев: «от них я ничего не таю.» Я взглянул наискось на наперсников самозванца. Один из них, щедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего